

ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРА ВНУТРЕННИХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В XX ВЕКЕ В СВЯЗИ С ИЗМЕНЕНИЕМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ

А.Д. Костюк

В статье исследуется изменение характера внутренних вооруженных конфликтов в связи с развитием общества, основанного на эксплуатации дешевых углеводородных ресурсов. Используется сравнение с вооруженными конфликтами первой половины XX века.

Ключевые слова: гибридная война, постиндустриальное общество, глобализация, углеводородные ресурсы.

В настоящее время и профессиональные военные, и военные историки, и любители военной истории все яснее видят огромную разницу в иррегулярных, внутренних вооруженных конфликтах, какими их можно видеть в современной видео-хронике (или своими глазами), и какими они представляются из кинохроники и воспоминаний очевидцев 50–100 летней давности. К сожалению, в большинстве случаев эта разница воспринимается только эмоционально. Однако понимание причин явления может оказаться гораздо более интересным, а главное – и более полезным.

Наиболее полезным, как правило, является предотвращение подобных вооруженных конфликтов, поскольку они ведут к огромным людским потерям, материальному ущербу и безвозвратной утрате культурного наследия.

Современный мир характеризуется значительным избытком ресурсов. В частности, это связано с большим количеством относительно дешевого углеводородного сырья. Это сырье, в свою очередь, обеспечивает дешевые предметы из пластика, смол и лаков (мебель, склеенная из опилок, корпуса бытовой техники), дешевая одежда из синтетики, а также некачественные, но дешевые продукты питания, получаемые путем промышленного земледелия (фактически, мы употребляем нефтяную пищу, слабо переработанную растениями из вкладываемых в них удобрений). И, наконец, это дешевая энергия от сжигания углеводородов. Не будем останавливаться на эффективности и рациональности такой системы. Отметим, что она обеспечила на планете возможность длительного существования огромной доли людей, не занимающихся производительным трудом.

Конечно, этот избыток неравномерен, вплоть до локальных случаев голода. Правда, и в этом случае в странах Азии и Африки нарушенным циклом сельского хозяйства, образовались значительные слои населения, живущие в значительной степени за счет гуманитарной помощи. Их миграция в Европу и Америку меняет привычную демографическую картину мира.

До середины XX века ведение длительных войн было связано с отрывом огромного количества рабочих рук, ergo (следовательно), истощением продуктовых и товарных запасов. При этом вести затяжную войну малыми силами, как (скажем) в XVIII веке, было уже невозможно – противник ответил бы наращиванием сил и средств. Это одна из причин интереса к идее «молниеносной», или хотя бы достаточно быстрой и решительной войны – затяжная война делала цену победы слишком высокой, не столько из-за потерь в личном составе и технике, сколько из-за расходов на нее и косвенного ущерба для хозяйства (отток рабочей силы). Понимание этого вопроса видно еще у древних, в частности, у Сунь-Цзы [7]. А.В. Суворов сформулировал это замечательно емко и лаконично: «Победа – враг войны» [3].

И межгосударственные, и внутренние вооруженные конфликты до середины XX века, при значительной их длительности, отличались намного большей динамичностью, активностью действий. В качестве примеров можно привести затяжную гражданскую войну в Мексике с 1914 по 1920-й год, гражданскую войну в России с 1918 по 1922 годы, необыкновенно долгую гражданскую войну в Китае, с 1927 по 1950 год, продолжавшуюся с перерывами за счет вмешательства в нее Японии (не упустившей случая использовать слабость соседа), затем – в рамках Второй мировой, затем – в рамках выяснения отношений между блоками СССР и США, гражданскую войну в Испании 1936–1939 гг.

Во втором блоке можно рассмотреть войны конца XX века. Это, прежде всего, серия гражданских войн в Югославии – необычно короткая в Словении (очень низкоинтенсивная по собственно боевым действиям), а затем

длительные и затяжные конфликты в Боснии и Герцеговине, а также Хорватии. К ним примыкает конфликт в Косово и Метохии, начавшийся в 1998 г. и вылившийся в 1999 г. в полномасштабную войну стран НАТО против Югославии за отделение Косово. Затем – война в Сирии с 2012 по настоящий момент и с 2014 г. – в районе Донецкого угольного бассейна (в 1918–1920 гг. этот район как стратегически важный также несколько раз был местом боев и сражений, в источниках часто именуется «каменно-угольный район», хотя его стратегическая ценность не только в топливе).

Подробное изучение указанных групп конфликтов или даже одного из них выходит за рамки настоящей работы. Ограничимся небольшим обобщением.

Конфликты существенно отличаются друг от друга по множеству параметров:

- территория, географические особенности местности, климат;
- экономическое и социальное состояние регионов;
- предпосылки к возникновению и развитию;
- используемая техника и вооружение;
- внешние факторы, страны, воздействие третьих стран на стороны-участницы конфликта;
- ход боевых действий и итоги противостояния.

Однако в наличии имеются и общие моменты:

- воюющие стороны всегда неоднородны по мотивации, организации, вооружению, снабжению. В целом и у большинства подразделений и частей все это на низком уровне. Но побеждает та сторона, у которой организация лучше, независимо от политических лозунгов;
- всегда есть сторонние государства, как правило, более сильные, заинтересованные в длящемся конфликте и/или победе одной из сторон, но скованные некоторыми ограничениями;
- всегда есть попытки «перемирий», «замирений», «переговоров о прекращении огня» и т.п. Всегда эти попытки используются как передышка в боевых действиях в рассуждении об удобстве их возобновления;
- сложные технические системы всегда используются, но из-за малого количества и недостаточной грамотности персонала играют заметную, но не решающую роль. Их успешное применение – эпизодично.

Основные же различия вытекают как раз из указанных нами в начале изменений в условиях мирной жизни людей. Неоднократно писалось и отмечено на практике, что человек на войне не меняется. Он остается таким же, как был (кроме случаев «слома»). Внешнее притворство, зримо «слетающее» с него, в расчет не берется – оно при грамотной работе с людьми вычисляется и без всякой войны.

Отсюда вытекают и основные различия:

Люди «постиндустриального» мира, в большинстве – люди непроизводительного труда (офисные работники, служба и т.п.). И почти все они

(даже производители) не знакомы с понятием голода и серьезной нужды. Они привыкли жить в условиях достаточно низкой смертности (причем смертность вызвана неосторожностью, а не голодом и эпидемиями), при уровне материального обеспечения (вещи, одежда, еда, поездки, жилищный быт), являвшегося еще 60 лет назад для подавляющего большинства недостижимой роскошью.

Именно поэтому по уровню боеспособности они не могут сравниться с бойцами войн 50–60 летней давности. Особенность эту заметили еще древние, и для ее интуитивного понимания не требуется академических изысканий. Римский автор Публий Флавий Вегеций Ренат (начало V в. н.э.) сформулировал это просто: «Меньше боится смерти тот, кто меньше знает радостей в жизни» [3].

Именно поэтому люди, привыкшие к тяжелой жизни и неизбежным смертям рядом с собой, в бою существенно превосходят избалованных. Даже идеологическое влияние (например, радикальный ислам) может только сгладить это различие, но не устранить его.

Кстати, это не означает автоматически низкого уровня потерь. В ряде случаев трусость мешает принять обоснованное решение, в результате чего потери от неумения укрываться от артиллерийского огня (что наблюдается в ходе текущего конфликта на Донбассе) и потери в окружениях (характерно для начала Великой Отечественной войны, причем для людей более неприхотливых) могут быть существенно выше. Повторимся – не от недоучета опасности, а от ее переоценки и желания от нее уклониться.

Второе различие дополняет первое – в настоящее время наблюдается избыток продуктов питания, одежды и снаряжения. Длительное время кормить, одевать и снабжать вооруженные отряды в настоящее время гораздо проще, чем раньше. Ведь и в мирное время так же содержатся, питаются и одеваются те же самые люди в армиях «офисного планктона», ничего не производя и весьма слабо способствуя распределению произведенного меньшинством. Особенно – если боевые действия ведутся с низкой интенсивностью, расход боеприпасов, горючего, а также потери – малы.

В мирное время они, ничего не производя, способствуют наращиванию оборота денег, товаров и услуг. В ходе длительного конфликта они, также ничего не производя, создают новый оборот, в который немедленно вовлекаются освободившиеся капиталы (естественно, при этом одни предприниматели теряют, а другие – приобретают выгоду).

Небольшой, но характерной деталью является отношение к форме и снаряжению. По видеозаписям боев в Сирии и на Донбассе мы видим, что и свои, и чужие погибшие остаются экипированы так, как и при жизни: в форме, в разгрузочных системах и обуви. Еще 50–60 лет назад (скажем, во время войны в Китае) в условиях тотальной нехватки вещевого имущества их снаряжение и обувь, а в ряде случаев и изорванная, пропитанная

кровью и фекалиями одежда были бы немедленно сняты и распределены среди живых, по одной простой причине – это имущество было очень ценным и редким, его пришлось бы отстирать, зашить и использовать, чтобы выжить и выполнить боевую задачу. Но в наше время поступает достаточно обуви, разгрузочных систем, и даже... носков. Необходимость в снятых с убитых «берцах» и портянках (изготовленных из любого пригодного куска ткани) временно отпала.

Другие обстоятельства мы видели в войнах предыдущего периода. К примеру, гражданская война в России велась в условиях тотальной нехватки в первую очередь продовольствия, затем – топлива и боеприпасов [4, 6]. Именно это определяло активные действия всех воюющих группировок. В первую очередь, двух крупных: «красных», опирающихся в основном на свои силы, с низким уровнем неоднородности, и «белых», распадающихся на несколько обособленных группировок, с высоким и все более повышающимся уровнем неоднородности и большой опорой на внешнюю военную помощь.

«Красным» было необходимо разорвать кольцо блокады, выйти к самодостаточности по ресурсам в короткие сроки, пока их внутренние ресурсы не истощились. «Белым» – разгромить «красных», пока их собственные внутренние противоречия не успели обостриться до критического значения, пока еще поступает военная помощь от Антанты. Правда, в случае разгрома «красных» их все равно ждало выяснение отношений уже между отдельными «белыми» группировками, причем – вооруженное выяснение, а также продолжение интервенции.

Мы сознательно опускаем отношения со многими мелкими и примкнувшими вооруженными группировками (казачьими областями, «зелеными», анархистами и националистами), хотя без них учет стратегического баланса в любой войне будет ошибочным.

И хотя территориально гражданская война в России затрагивала незначительную часть, она проходила по ключевым пунктам и операционным линиям (центрам, коммуникациям) с огромным пространственным размахом и динамикой. 1918 год запомнился как очаговый, «слоеный пирог». В качестве примера можно привести 1919 год, когда боевые действия уже приобрели значительно большую организованность, а кризис нехватки ресурсов, соответственно, еще более обострился.

Весна: Колчак – наступает на Оренбург и Поволжье. Лето и осень: разгромленные и дезорганизованные армии Колчака отходят с боями по линии Транссиба на восток.

Лето: бои на севере Донбасса с Деникиным. Неудачное наступление красных, позволившее Деникину к осени дойти до Орла. Выдохшееся наступление белых, развал их армий, отступление от Орла на Донбасс и Ростов, затем – до Новороссийска, эвакуация в Крым (до той поры тоже переходивший из рук в руки малыми силами).

Лето и осень: пока Деникин идет до Орла и положение для красных близкое к катастрофическому, их командование запрещает снимать части с Восточного фронта против Колчака, строго приказывает давить его, пока он не восстановился [5]. Оборона против Деникина делается новыми мобилизациями, своими силами. Правда, наденикинский фронт начинает распределяться больше материальных средств (боеприпасов, горючего и т.п.), чтобы активизировать действия (примитивная, но эффективная стратегия «ударных» фронтов с поочередным «все на разгром...»).

Наступление из Прибалтики армий Юденича, фактически «на рывок» с очень малыми шансами на успех и без возможности отойти обратно.

Советско-польская война с «амплитудой» взаимных перемещений от Киева до Варшавы.

В 1920 г. – наступление Врангеля из Крыма с занятием Северной Таврии как продовольственной базы, поскольку в Крыму не было достаточно продовольствия, а Антанта не имела возможности (да и особого желания) снабдить белых. Попытки удержать Северную Таврию против превосходящих сил красных, что привело к преждевременному расходу резервов и невозможности затем удержать выгодные позиции на Перекопе и Юшуне.

Украина является стратегически выгодным перекрестком коммуникаций. Аналогичные перекрестки – Балканы, Северный Кавказ, Афганистан, Сомали (регулярность там вооруженных конфликтов – следствие из этого). Во время Гражданской войны боевые действия захватили всю территории Украины. Донецкий бассейн являлся одной из ключевых территорий.

Даже на небольшом Донецком бассейне шли маневренные бои в 1918 г. между красной гвардией и германскими войсками, бои начала и конца 1919 года – все они отличались высокой динамичностью, маневренностью и пространственным размахом.

При этом обеспечение боеприпасами обеих сторон было мизерным. Ситуация, когда у бойца на магазинную винтовку приходилось 10–15–20 патронов, на полевое орудие – десятки, иногда и единицы снарядов – была типичной [4, 6].

Командование почти всех группировок, и крупных, и мелких, не могло себе позволить длительного позиционного противостояния по причинам нехватки продовольствия, и во вторую очередь – нехватки боеприпасов. Кроме того, войска обеих (точнее – всех, ибо их часто было более двух) воюющих сторон поражали эпидемии, в первую очередь – тиф. Бывали случаи прекращения наступлений, установления затиший на фронте из-за тяжелой эпидемиологической обстановки.

Только группировки Дона (Всевеликое войско Донское) и Кубани имели достаточные запасы продовольствия (распределены неоднородно), находились в обороне, на территорию красных делали отдельные вылазки (в основном, с целью грабежа), а боевые действия вне своей области всячески перекладывали на своего старшего союзника – «добрармию» Деникина.

Весьма сходны с этим и боевые действия в Китае, особенно после 1945 г., когда Квантунская армия японцев была разгромлена и капитулировала, а войска Гоминьдана (вооруженные США) и формирующейся Народно-освободительной армии Китая (поддерживаемые СССР), вступили в серьезное противоборство. Каждая из сторон решала задачи по удержанию стратегически важных районов у себя и захвату их у противника.

В обоих случаях наблюдается динамика и решительность. И совсем другая картина просматривается в гражданских войнах современного периода. В сущности, после развала Югославии, в Боснии и Хорватии выделились группировки по этническому и конфессиональному принципам, каждая из которых закрепила за собой территорию своего компактного проживания. Так появились Республика Сербская в Боснии и Республика Сербская Краина в Хорватии, боснийское правительство Изетбеговича в Сараево (мусульмане), хорватская автономия в Боснии, а также группа боснийцев-мусульман, но поддерживающая не Изетбеговича, а Республику Сербскую.

Все боевые действия велись статично, путем обороны стратегически важных дорог и высот. Наступления имели ограниченную цель некоторого улучшения конфигурации контролируемой территории (например, цепочка сел, обеспечивающих «коридор» для снабжения, перемещения и торговли). Попыток нанести противнику решительное поражение ни одна сторона не предпринимала.

Несколько иные условия были в Хорватии. Там Республика Сербская Краина (РСК) успешно воевала против хорватов с 1991 г. Однако краинцы были в заведомо очень невыгодном положении, конфигурация их территории была крайне уязвима. Исправить это положение они не могли (и не пытались). К 1995 г. РСК была «оставлена в покое», что привело к внутреннему разложению. Кроме того, видимо, поддерживающему ее президенту Югославии С. Милошевичу пообещали, что оставшуюся Югославию трогать не будут, если он «сдаст» РСК. Милошевич поверил этому обещанию, цену которого у него вскоре появилась возможность проверить. А РСК в результате хорошо спланированных операций («Олуя» и «Блескавица») хорватской армии, вооруженной и подготовленной НАТО, была захвачена и прекратила свое существование. Войска РСК оказались неспособны на упорное сопротивление и разбежались. Сербское население эвакуировалось, многие оставшиеся были убиты и ограблены [8].

Прецедент выделяется из общей картины и сравним с разгромом группировок, длительное время находившихся в пассивной обороне и потому разложившихся (Франция в 1940 г. после внезапного для нее прекращения «странной войны», окружение Брянского фронта осенью 1941 г. и др.). Это говорит и о том, что «пассивность» современной гражданской войны не является фатальной. Тот, кто первым нарушит ее – получит преимущество вплоть до победы.

Сходную позиционную картину можно видеть и на Ближнем Востоке. В частности, в Сирии раскол произошел именно по этническим и конфессиональным границам. Государственная власть президента Б. Асада стойко обороняет города и районы, где он пользуется поддержкой [9]. Локальные наступления ставят задачу местного улучшения конфигурации этой территории. Не смотря на наличие значительного количества бронетехники, Сирийская арабская армия Асада не рискует углубляться на сопредельные территории. Аналогично тому, Красная армия в 1918–1919 г. безуспешно пыталась наносить прямые удары на Ростов через Область войска Донского, поскольку каждый раз казачий «сполох» (локальная тотальная мобилизация) организовывал им сильное сопротивление. А вот удары через Донецкий бассейн, долгим окружным путем, удавались, поскольку там наступление имело поддержку населения, а войско Донское, когда не атаковали его территорию, никак не пыталось помочь Добрармии Деникина, предотвратить удар на Ростов и Новороссийск. Однако в Сирии таких глубоких прорывов (даже в масштабах меньшей территории) не наблюдается.

Близкое к этому положение наблюдается и на Донбассе. Глубоких обходов и рейдовых действий, аналогичных тем, что проводились на этой же самой территории примерно столетие раньше, не отмечается. При этом городские агломерации существенно разрослись, дорожная инфраструктура уплотнилась, но основные узлы коммуникаций остались неизменны с 1918–1919 года. В сводках гражданской войны, Великой Отечественной и текущего вооруженного конфликта упоминаются одни и те же пункты и рубежи: Славянск (Славяновка), Краматорск (Краматорское), Дебальцево, Мариуполь, Донецк (Юзовка, Сталино), р.Северский Донец, и далее (ныне на территории РФ) – Миллерово и станица Лихая (список неполон).

Однако даже в первом, весенне-летнем периоде боевых действий, более всего соответствующем «слоеному пирогу» 1918 года, очагово-позиционный характер был преобладающим, а рейдовые действия – исключением, не имевшим оперативно-стратегических последствий. Даже движение украинской армии вдоль южной границы Новороссии относится не к рейдам, а к медленной расстановке все тех же опорных пунктов, которые при отсутствии динамики и прерывании линий снабжения закономерно превратились в «котлы» окружений не там, где их вынужденно заблокировали, а там где они остановились сами [10].

Второй же этап (с осени 2014 г. по настоящее время) частично повторяет ситуацию в Сирии, однако с меньшим размахом боев в населенных пунктах и значительно большим размахом дистанционной войны с применением артиллерии. Ситуация неким образом повторяет позиционный тупик и гигантскую артиллерийскую дуэль Первой мировой.

Попутно наметим, что тактическое и техническое решение вопроса мобильности на современном этапе уже найдено и даже доведено до рабочего

варианта. В давнем прошлом это были подразделения на тачанках (рессорных повозках) армии Н.И. Махно и Первой конной армии С.М. Буденного. В маневренной войне противника атаковали там, где он не закрепился, с помощью тачанок создавался быстрый перевес над противником в огневой мощи на нужном участке, а закрепляла успех пехота, ехавшая на тачанках «десантом». В Первой конной к тачанкам были добавлено некоторое количество броневедомостей и авиаотряд для разведки.

Вторая мировая вошла в историю как война таких же подвижных соединений, но более тяжелых, оснащенных танками и самоходной артиллерией [1, 2].

Среди рейдов легких соединений, иррегулярных или применяющих иррегулярную тактику, можно отметить действия партизанского соединения С.А. Ковпака, а также британских командос на джипах в Северной Африке.

Начиная с 80-х годов, легкие и подвижные подразделения на джипах получают все большее развитие. При гипертрофированном развитии современного автопрома найти нужное количество «внедорожников» и запасных частей к ним вполне возможно. На них, в отличие от Первой конной, ставятся не только пулеметы-аналоги «Максим», но и крупнокалиберные пулеметы под различные боеприпасы 12,7-мм (М2НВ «Browning», ДШК, НСВ-12,7 «Утес», «Корд» и др.), малокалиберные зенитные пушки (20-мм модификации «Эрликон», 23-мм ЗУ-23-2 и др.), осколочные автоматические гранатометы (Мк-19, АГС-17/30 и др.). Все это позволяет в глубине обороны противника, где нет долговременных сооружений, выиграть огневой бой с пехотой, часто на дистанции недостижимой для ее стрелкового оружия. Противотанковые ракетные комплексы (ТОВ, «Конкурс» и др.) – успешно бороться с бронетехникой, а переносные зенитно-ракетные комплексы (ПЗРК «Стингер», «Стрела-2», «Игла» и др.) – создать «купол безопасности» от вертолетов и штурмовой авиации.

Могут заметить, что использование штатной техники – танков, БМП и БТР для рейдов хорошо известно и более эффективно. Однако мы говорим, во-первых, об иррегулярных войсках, не имеющих их в достаточном количестве, а главное – не имеющих ремонтной базы и достаточных запасов горючего.

В этом отношении автономность моторизованного подразделения на джипах, его ресурс и возможность использования горючего из гражданской сети заправок, а также сливаемого с баков гражданских машин, намного выше. Их ремонт также организуется намного проще и дешевле.

Но, повторимся, основным препятствием к осуществлению более широких маневренных действий в иррегулярных войнах современного типа являются не технические ограничения, а человеческий фактор. Недостаточно способный к риску личный состав дополняется командованием, стремящимся превратить каждую такую войну в бизнес с максимальной прибылью и минимальными потерями. А также продлить ее по времени.

Если ситуация с бизнес-войной не изменится (а предпосылок к этому пока нет), рейдовая тактика будет ограниченной. К сожалению, чаще и активнее ломают шаблон наиболее агрессивные и по-экстремистски настроенные группировки, такие как «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ). Хотя оно явно имело скрытую поддержку от США, а возможно, не все каналы поддержки перекрыты и по настоящее время, но положение этого «государства» очень шатко, поэтому оно и действует столь агрессивно, расширяя свою территорию до необходимого для самодостаточности минимума. Массированное применение авиации стран НАТО, в том числе – стратегической, также может лишь снизить эффективность их рейдов, но «панацеей» не является.

Такой представляется нам мировая тенденция в локальных внутренних конфликтах. По всей вероятности, будущее заставит еще не раз пересмотреть наши взгляды в этой области.

Ответ на вопрос, «будет ли такой избыток ресурсов и стабильная экологическая ситуация вечно» - тривиален. Гораздо важнее будет ответить на вопрос, «когда» и какого конкретно ресурса будет не хватать, как это изменит наш социум и, соответственно, повлияет на военное дело. Но этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

Библиографический список

1. Миллер, Д. Современные сухопутные войска: техника, тактика, вооружение / Д. Миллер, К.Ф. Фосс; пер. с англ. – Смоленск, Русич, 2004. – 208 с.
2. Макнаб, К. Современный бой: оружие и тактика / К. Макнаб, У. Фаулер; пер. с англ. Ю.А. Плотникова. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 256 с.
3. Великие полководцы. Афоризмы, притчи, легенды / сост. А.Ю. Кожевников. – М.: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2012. – 304 с.
4. На Южном Урале (воспоминания участников гражданской войны) / сост. Т.С. Кривов, В.С. Русяев, Б.Я. Худяков; под ред. Д.В. Панкова. – М.: Воениздат, 1958. – 334 с.
5. В.И. Ленин о войне, армии и военной науке: сборник. Т. 2 / сост. Н.П. Мамай, В.В. Горбунов, А.Н. Баюшкина. – М.-Л.: Воениздат, 1957. – 704 с.
6. Гражданская война. 1918–1921 / Н.Е. Какурин, И.И. Вацетис; под ред. А.С. Бубнова и др. – СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2002. – 672 с.
7. Трактаты о военном искусстве / Сунь-Цзы, У-Цзы; пер. с кит., предисл. и коммент. Н.И. Конрада. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: TerraFantastica, 2002. – 558 с.
8. Валецкий, О.В. Падение Республики Сербская Краина / О.В. Валецкий. – Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. – 88 с.
9. Война в Сирии – уроки для России (по материалам <http://navoine.info/syr-lessons.html>).
10. URL: <http://novorossik.ru/novorossia/vojna-v-novorossii.html> и др.

[К содержанию](#)